

Часть 1

**Заговор против
времени**

Закончив рассказ, Кэмерон Уинтер отвернулся, и его голос растворился в тишине. Некоторое время Маргарет Уитакер молча на него смотрела. Между их стульями было небольшое расстояние.

Маргарет шестьдесят семь. Она психотерапевт уже почти сорок лет. Она видела многое, слышала и того больше, а потому считала, что прекрасно разбирается в людях. Но этот человек... Он оставался для нее загадкой.

Маргарет считала его привлекательным. Да, он был действительно привлекательным, ну или, может, в нем были такие черты, которые ей всегда нравились. В ее лета живут не страстями, а головой, как писал Шекспир*. Но она все равно ощущала особое притяжение. Уинтеру было около тридцати пяти. Мужчина среднего роста, хорошо сложен: плечи широкие, талия узкая. А вот лицо его было неземным, даже божественным, но при этом решительным и мужественным. Это было

* “Гамлет” — трагедия Уильяма Шекспира. [Прим. пер.]

ангельское лицо, которое обрамляли длинные вьющиеся золотистые волосы, ниспадающие вниз и прикрывающие уши — словно он сошел с картин эпохи Ренессанса. На нем были очки в тонкой оправе и твидовый пиджак с заплатками на локтях — форма профессора колледжа, кем он и работал, судя по его словам. Но было в нем нечто такое, что не свойственно профессору. Нечто в его глубоко печальном и пристальном взгляде. В сильных и готовых к чему-то руках... Нечто... — Зачем вы рассказали мне эту историю? — спросила она. Ей было действительно интересно.

Он задумчиво смотрел в окно, за которым цветными рождественскими огнями мерцала небольшая улица с магазинами и закусочными. Глядел на белоснежный купол Капитолия в конце квартала, на то, как мягко кружит декабрьский снег над рекой. Она не могла оторваться от его красивого профиля, пока он бормотал:

— Я тогда не мог уснуть. В смысле, после истории Альберта. Мне хотелось поскорее встретить рождественское утро, но в то же время было так страшно. Я все думал о призраке убитой девушки, которая гуляет по заснеженному городу. Сна ни в одном глазу, и я все метался на кровати, изучал тени — не прячется ли в них что-то пугающее... Так хотелось позвать Мию, мою няню, чтобы она пришла и успокоила меня. Но я боялся, что Шарлотта услышит. Я как представил, что она поймет, какой я трусливый мальчишка, — нет, сама мысль меня ужасала!

Он повернулся к Маргарет, и она снова ощутила всю силу его притягательности. Тепло мягко растекалось по всему телу. “Боже мой!” — мысленно воскликнула она.

— Но Шарлотта точно слышала, — продолжал он. — Она точно слышала, как я ворочался. А потом дверь в моей комнате медленно открылась. В коридоре горел свет, и я лежал, не отрывая взгляда от проема двери, ожидая, что там вот-вот появится призрак Аделины Вебер. Но вместо нее в комнату зашла малышка Шарлотта — серьезная, похожая на маму девятилетняя Шарлотта. Она ничего не сказала. Ни единого слова. Только села на край кровати... Села и мягко похлопала меня по руке. Тихонько убаюкала меня, и я все-таки уснул.

Воцарилась тишина. Маргарет старалась неотрывно смотреть ему в глаза — взгляд у него и грустный, и шутиливый, и чувственный.

— Обычно люди приходят ко мне, когда у них проблемы, Кэмерон, — сказала она.

— Да. Я знаю.

— Знаете. Но тем не менее вы приходите в мой кабинет, садитесь и рассказываете мне эту историю. И я все равно никак не могу понять, зачем вы пришли.

Он чуть вздернул подбородок и задумался.

— Я пришел, чтобы... — начал он и вдруг замолчал, будто подбирая нужные слова. Наконец он сказал: — Я пришел, потому что мне тоскливо.

— Вы хотите сказать, что у вас депрессия?

— У меня эта... меланхолия. Она бесконечная. И с каждым днем все хуже и хуже.

— Я понимаю.

— Правда? — с удивлением спросил он.

— Да. Вы думаете, ваше состояние связано с тем Рождеством, которое вы встретили у няни дома?

Он пожал плечами.

— Просто вспомнил. Смотрю в окно, а там снег идет, огни горят, вот я и вспомнил. Мне казалось,

что я должен озвучивать первое, что приходит мне в голову.

— Нет, я работаю немного иначе.

— А-а... Извините.

— Но все равно расскажите поподробнее. Про свою меланхолию, например. Как у вас дела на работе? Вы не утратили интерес к своей деятельности? — спрашивала Маргарет. — Вы сказали, что преподаете в университете.

— Я доцент. Английская литература. Поэты-романтики... Эта тема умирает, так что да, это меня правда угнетает. Угнетает, что мой предмет изживает себя.

— Что насчет секса?

— Это очень мило с вашей стороны, но мне кажется, что в данных обстоятельствах заниматься этим будет неэтично.

Маргарет слабо улыбнулась, как она обычно улыбалась мужчинам, которые приходили к ней на прием и шутили подобным образом.

— Вы не утратили интерес к сексу? — спросила она.

Он вздохнул.

— Да нет. С сексом все в порядке. А вот отношения меня не интересуют. Мое тело делает то, что должно делать тело, но душа его покинула. Смысл пропал. Почему вы так долго смотрите на мои руки?

Столь неожиданный вопрос застал Маргарет врасплох. Она опытная наблюдательница, но большинство ее клиентов очень озабочены своими проблемами, а потому не замечают, что она внимательно их рассматривает.

Она ответила не сразу. Сперва сложила пазл из своих наблюдений. Его руки в мозолях, две костяшки пальцев немного припухли. Да, она уже ви-

дела нечто подобное. Это следы ударов по дереву, отжиманий от асфальта на кулаках. Этот человек — серьезный мастер боевых искусств. Он не просто спортсмен. Самый настоящий боец. Первое впечатление о нем сложилось сразу: мужчина, что сидит напротив в ее кабинете, опасен, он может причинить людям боль. Но она сомневалась, что он сделает больно ей. На преступника он не похож. Точно нет. Но и военной выправки не видно. Тогда... Кто же он такой?

Молчание длилось очень долго. Наконец она спросила:

— Ваши руки не выглядят как руки профессора, не так ли?

Кажется, он задумался над ее словами. И тихонько хмыкнул.

— А вы не слышали обо мне в новостях?

— Я не смотрю новости, — сказала она. — Они меня огорчают.

— А имя мое не пробили? Не слышали о похищении у озера в пригороде? Или о пропавших во время беспорядков детях?

Маргарет покачала головой.

Ковер, мебель и обои в ее кабинете были разных оттенков коричневого и рыжеватого цветов. Повсюду висели фотографии с безмятежными видами загородной жизни: вот закат над водоемом, а вот цветы в поле. Все тут украшено таким образом, чтобы обстановка внушала спокойствие. Но теперь, когда этот привлекательный мужчина в твидовом пиджаке, он же Кэмерон Уинтер, сиделся то так, то этак, меняя позы, все это старательно выстроенное спокойствие рассыпалось на кусочки из-за его ритмичных сдержанных

движений и закипающей внутри жестокости, которую эти движения как раз и скрывали.

— У меня... — начал он спокойно. — У меня необычный склад ума.

— В самом деле?

— Я узнаю о разных событиях. Слушаю то, что мне рассказывают. Или смотрю новости, читаю разные истории в интернете. И иногда я представляю себе, что иду к ним. Представляю, будто я там. И находясь там, я начинаю понимать причины некоторых событий. А другие люди не понимают.

— Вы говорите о...

— О преступлениях. В основном. Об ужасных злодеяниях. И порой, если я все понимаю правильно, я помогаю найти виновника этого ужасного преступления.

Маргарет вылечила столько людей, услышала столько историй про разные ужасы и абьюз, но за долгие годы работы ей впервые пришлось прочистить горло, прежде чем спросить:

— И когда вы находите этих ужасных людей, что вы с ними делаете?

Кэмерон Уинтер улыбнулся.

Уинтер вышел из кабинета Маргарет Уитакер и направился прямо к Капитолию. Он пробирался через снегопад, засунув руки в карманы коричневой дубленки и надвинув кепку-уточку пониже на лоб. И правда, на вид он — самоуныние во плоти. Но вообще впервые за долгое время он почувствовал, как внутри, словно свеча, разгорается огонек, чтобы осветить тьму в душе. Давненько он не испытывал к кому-либо такого уважения, как к этому терапевту. Давненько ему не нравился кто-либо так же сильно. У него появилась слабая надежда. Возможно, эта женщина поможет ему избавиться от тоски — тяжелой ноши, которую он тащит на себе.

Уинтер выглянул из-под козырька кепки и посмотрел на украшенную витрину магазина: там гирлянда горит красным, зеленым, белым и желтым, висят вырезанные картинки и рисунки ангелов и Санты, венки и пластиковые сосновые веточки. И снова он подумал о Шарлотте, но представил ее не такой, какой видел в последний раз. К счастью, он представил ее такой, какой описывал ее только что у терапевта: маленькой

домохозяйкой, которая сидит на его кровати и поглаживает его детскую ручку, чтобы он уснул.

Он прогнал от себя это воспоминание, стряхнул его, точно собака воду с шерсти. И мысленно вернул себя в настоящий момент. В реальность, в которой убили Дженнифер Дин.

Уинтер открыл дверь и с удовольствием шагнул в тепло бара “Номад”. Барные стойки и столы — все из темного дерева. Флаги штата развеваются под металлическими плитками потолка. Мозаичный пол весьма замысловатый, но в то же время он добавляет уюта. Клерки уже заканчивают с едой, их пальто висят на стульях, а по телевизорам, что расположены над ними на стене, показывают спортивное интервью. Правда, его почти не слышно.

Виктория Новак сидела одна в дальнем углу и ждала его — прямо как тогда, в старые добрые времена, когда они, студентка и преподаватель, своей интрижкой нарушали закон Божий и человеческий. Подойдя поближе, он мысленно себя исправил. Она же замужем. Теперь ее зовут Виктория Гроссбургер.

Виктория улыбнулась и окинула его оценивающим взглядом. Он снял кепку и наклонился, чтобы поцеловать ее в щеку. А затем устроился на стуле напротив нее.

— Ого, вы посмотрите! Какой красавчик, с ума сойти можно, — сказала она.

— Я думал, ты меня за ум полюбила, Вик.

— О нет, я тебя полюбила точно не за ум. Он меня как раз пугает!

— Но, тем не менее, ты пришла.

С тех пор как они виделись в последний раз, она мало изменилась. Она была уже не молода, как раньше,

и, конечно, утратила свою особую привлекательность, но в ней сохранились живость и жизнерадостность. Глаза сияют под копной черных кудрей. Ее милое радостное лицо в веснушках. И взгляд такой — как у старшеклассницы, которая верит, что в ее жизни все непременно будет хорошо. Вдобавок ко всему у нее были впечатляющие формы, которые могли бы его распалить, если бы он позволил этому огню разгореться сильнее.

Но он не стал этого делать. Подозвал официантку. Заказал кофе. У Вик уже стоял один на столе.

— Так значит, ты сейчас в Спринг-Хэйвен? Который у озера? — спросил Уинтер.

Она кивнула.

— Роджер, мой муж, в Форт-Андерсоне заканчивает службу инструктора. Мы знали, что он там год или два будет работать, и я собиралась искать работу неподалеку. Плюс ко всему, в государственной адвокатуре появилась вакансия. И вот нас там двое, я, считай, целая половина судебного персонала.

— И как тебе, нравится?

Она задумчиво наклонила голову.

— Неплохо. Весьма неплохо, мне кажется.

— Как-то неуверенно ты это сказала.

— Свит-Хэйвен — особое место. Исключительное, я бы сказала. Какие тут чудесные виды! Озеро, холмы. Старинная, чисто американская архитектура. Да тут все такое старинное! Но в хорошем смысле. Безопасное, необычное место. И ценности у людей хорошие. Именно в таком городке хочется остаться, чтобы завести семью.

— Но?..

— Не совсем “но”, просто... База Форт-Андерсон где-то в тридцати километрах отсюда. И это одна

из четырех баз, где размещаются рейнджеры — войска специального назначения. Солдаты служат здесь годами, потом, возможно, встречаются местную девчонку, женятся и переезжают в Свит-Хэйвен после окончания службы. У них появляются дети, которые затем тоже вступают в ряды армии, становятся рейнджерами. И они тоже встречаются девушку, и так далее... Короче, это... Ну, странно как-то.

— Ты хочешь сказать, провинциально?

Официантка принесла Уинтеру кофе и налила Виктории еще. Сделав по глотку, они встретились взглядами. На секунду все их совместные воспоминания — все слова, которые они не сказали друг другу, — можно было увидеть в их глазах.

Виктория звонко поставила чашку на блюдце. Отвела взгляд и сказала:

— Рейнджеры — это элита, лучшие из лучших. Они образованны, физически подготовлены — ого-го! В основном это белые ребята, но у них, знаешь, братство, так что если ты оказался в их числе, то неважно, кто ты вообще. Столько мужчин в Свит-Хэйвен служили, столько лет прошло! И теперь весь город как будто создан по их лекалу, если ты понимаешь, о чем я. То есть теперь все мужчины смотрят так же, ходят с такими стрижками, походка, манера речи, даже мышление — все у них одинаковое. Встретишь ты копа, юриста или бизнесмена, и кажется, что каждый из них был когда-то рейнджером. На женщинах это тоже сказывается. Они такие бодрые, здравомыслящие, суперзаботливые американские жены военных. Не скажу, что это плохо, просто... жутковато как-то. Ощущение, будто живешь в городе, населенном клонами.

Уинтер улыбнулся, поднимая чашку, чтобы снова глотнуть кофе.

— Эти мужчины немного напоминают тебя, — сказала Виктория. — Но ты же не был военным, правда?

— Расскажи о Трэвисе Блэйке, — попросил Уинтер. — Ты выступаешь со стороны защиты?

— Нет, никакой защиты не будет. Он уже признал себя виновным. Вынесение приговора назначено на следующий понедельник. Последнее заседание перед праздниками.

— Девушка, которую он убил, Дженнифер Дин, — она же встречалась с ним, да?

— Да. Она работала в школьной библиотеке. Все ее любили. Говорят, он ее тоже любил.

— Но он признался. Признался, что это он убил ее.

— Да, он и убил, все так, — сказала Виктория. — Люди видели, как она ехала к нему домой. Там никого больше не было. Дочка Трэвиса Лила ночевала у подруги. Утром Дженнифер не пришла на работу, и полиция отправилась к дому Трэвиса. Криминалисты обнаружили кровь Дженнифер на ковре. А также следы крови на его боевом ноже. На пристани была камера видеонаблюдения, и она засняла, как Трэвис тащит свернутый ковер в свою лодку. Ковер-то был небольшой. И когда увеличили изображение, внутри увидели тело Дженнифер.

— И ты можешь опознать ее?

— Конечно. Позже он был замечен в машине Дженнифер. Он ехал к реке. Есть видео и три свидетеля. Полиция прошерстила дно, машину нашли. А спустя две недели его арестовали.

Глотнув кофе, Уинтер удивленно поднял бровь.

— Две недели? Почему так долго?

Лицо Виктории не было создано для грустных улыбок, ведь из-за них оно становилось в разы печальнее.

— Этот парень — самая настоящая королевская особа Свит-Хэйвен, — сказала она. — Его дедушка был в первом рейнджерском батальоне в Италии во время Второй мировой войны. Отец был рейнджером во Вьетнаме. И именно он переехал в Свит-Хэйвен. Обзавелся кучей недвижимости, построил конную ферму на окраине города. Трэвис вырос в типичном Большом доме на холме: портик с колоннами, вокруг целые акры зелени, все такое. У него могла быть простая жизнь. Он мог стать слабохарактерным, избалованным человеком. Наследником, которого испортило богатство. Но нет! Выбравшись из Дартмута, он пошел на службу и стал — кем же еще! — рейнджером. В Афганистане он был настоящим героем, Кэм! Он “Серебряную звезду” получил за то, что в одиночку под шквалом пуль защищал зону посадки. Он этих негодяев сдерживал почти сорок пять минут, чтобы вертолеты могли приземлиться! Двадцать пять товарищей спас. Он спас двадцать пять жизней!

— Поэтому никто не хочет верить, что он виновен, — сказал Уинтер.

Она вздохнула.

— Лучшие полицейские — они все бывшие рейнджеры. И прокурор. Все рядовые полицейские служили в армии, все охранники в тюрьме... Да они бы скорее мать родную арестовали, чем Трэвиса. Когда детективы приехали за ним, они извинились за доставленные неудобства при его задержании. А знаешь, что он им в ответ? “Да ничего, ребят. Я виноват”.

— Он сказал, почему убил ее?

— Что бы он ни говорил, этого все равно мало. Вот взять меня — я же его адвокат, а он со мной почти не говорит. Но я выяснила, что он был одержим мыслью, что у нее есть кто-то другой. Ни для кого не секрет — девушка она была замкнутая. И о своем прошлом вообще не распространялась. Он говорит, это сводило его с ума. Он все задавал ей разные вопросы. А она не отвечала. Они ругались. Дошло до насилия. И вот — он ударил ее ножом.

— Грустная история.

— Всем в городе больно. И не только за него. За нее тоже. Она только приехала, но уже стала местной любимицей. Горе для всех...

Уинтер уже допил кофе. Он поднял руку, чтобы остановить официантку, которая собиралась налить ему еще. Откинувшись на спинку стула, он сложил руки под грудью. Стал рассматривать Викторину, а она, чуть покраснев, позволяла ему это.

— Я рад тебя видеть, Вик, — сказал он.

Она кивнула.

— Сказать тебе честно? Я не ожидала, что все так хорошо сложится.

— И все ведь хорошо, да? В браке с Ральфом?

— Роджером.

— Да, Роджером. Я так и хотел сказать.

Виктория улыбнулась. И его очень тронула эта знакомая ему улыбка, этот взгляд. Он тоже был удивлен, что притяжение между ними осталось таким же сильным. Может, он еще способен что-то чувствовать.

— В браке все хорошо, — наконец сказала она. — Развертывание прошло тяжело. Он участвовал во многих операциях. Но он уже вернулся, скоро приедет и... У нас сейчас все хорошо. Правда хорошо.

— Хорошо, — повторил Уинтер, не отрывая от нее взгляда. — Так, а зачем ты меня позвала?

— Я прочитала, что ты разобрался с похитителями. И с делом о тех пропавших детях. Появился откуда ни возьмись и выследил преступников. Помню, ты как-то раньше зачитывался новостями, криминальными историями. Рассказывал о том, что, по-твоему, произошло на самом деле. И ты всегда говорил, что у тебя...

Она никак не могла вспомнить нужные слова, поэтому он напомнил:

— Необычный склад ума.

— Да, необычный склад ума, точно.

— Но я все равно не понимаю, чем я здесь могу помочь. У тебя есть доказательства. Его признание. Дело проще некуда. Что я должен сделать?

Она пронзила его таким взглядом, что его пробрало до костей. Непонятно, собиралась ли она этим взглядом уговорить его или просто так получилось случайно. Только вот теперь он был уверен, что готов землю перевернуть, но сделать все, что она попросит, даже если это будет что-то невыполнимое.

Она наклонилась к нему, посмотрела в глаза и сказала:

— Я хочу, чтобы ты доказал, что он невиновен.